

Мать Чжоу Мана ранее знала, что его задержали полицейские из-за попытки убить отца, и от страха она целыми днями обливалась слезами, приговаривая, что чуть не умерла тогда в больнице от горя.

— Ман-ва, мамочка виновата перед тобой, прошу, не мучай себя. Если с тобой что случится, матери останется только головой об стену удариться.

Чжоу Ман успокаивал мать, обещая, что больше никогда не совершит таких глупостей. Он говорил, что теперь они будут жить вдвоём, и ей больше не придётся возвращаться в тот дом. Его мать была простой деревенской женщиной, которая всю жизнь жила по принципам подчинения мужчине. Она годами терпела домашнее насилие, не смея и слова сказать против, не говоря уже о том, чтобы уйти. Будь у неё хоть капля решимости, она бы не дошла до такого плачевного состояния. Сплетни соседок, тирания мужа и давление родственников со стороны её семьи — всё это, вкупе с устаревшими концепциями, глубоко сковывало её, лишая всякой возможности сопротивляться.

Однако после того, как Чжоу Ман перепугал её до полусмерти своим импульсивным поступком, когда люди сказали, что он схватился за нож и отправился убивать отца, а теперь его арестовали и грозят расстрелом, вся её душа словно рассыпалась на куски. Первой мыслью, промелькнувшей тогда у неё, было: если бы я сама его убила, и пусть уж полиция расстреляет меня — тогда бы Чжоу Ман освободился и не стал бы преступником.

Поэтому теперь, когда Чжоу Ман вышел, она слушалась каждого его слова. Переехать ли, забыть ли о том доме, терпеть ли пересуды за спиной или брань родственников — теперь она ничего не боялась. По сравнению с судьбой сына всё это было сущими пустяками.

Чжоу Ман принял те двести тысяч, что Му Цзэ перечислял ему всё это время, и отдал их старшей сестре, чтобы она во всём разобралась.

Позднее Чжоу Ман приехал в город С. Он больше не мог вернуться в аль, но ему нужно было продолжать работать и зарабатывать на жизнь. Официантом в баре Тини он встретил Тони. Тони сказал, что у него приятная внешность, и предложил сниматься в кино. Чжоу Ман ответил, что не актёр, что раньше был агентом. Тони обрадовался и заявил, что как раз ищет агента. Чжоу Ман пошёл с ним, но уже на месте понял, что снимают там порнографию. Он был рад, что не купился на болтовню Тони о большом кино.

Так Чжоу Ман остался в Дабаоцзянь. Он отказался от самоубийства, но в тот период его состояние было чем-то вроде жалкого прозябания. Он жил как в тумане, дни сливались в бесконечную череду. Случалось, он проводил на съёмочной площадке целые сутки, и, выходя оттуда, уже не понимал, какой сегодня день. Так незаметно пролетели четыре года.

За эти четыре года он ни разу не связывался с Му Цзэ. Он был благодарен ему за те двести тысяч и потому всегда помнил его предупреждение — не доставлять неприятностей.

Если бы не требование сотрудничества Дабаоцзянь с аль, Чжоу Ман, возможно, никогда бы

больше не вышел на связь. Когда он снова дозвонился до Му Цзэ, голос того порой звучал пугающе нежно.

Иногда в глубине души Чжоу Ман грезил, лелеял фантазии об их отношениях, вплоть до этого вечера, до того самого момента.

Чжоу Ман вбежал в уборную и закрылся там. Увидев на запястье шрам от попытки самоубийства, он не в силах был остановиться и начал неистово ковырять кожу на этом месте. Этот шрам был не просто отголоском его нелепой и безнадёжной первой любви, это был символ всей его детской травмы, полученной из-за семьи, в которой он вырос.

Когда после неудавшегося отцеубийства его забрали в управление, Чжоу Ман отказывался говорить и неоднократно пытался вскрыть вены, из-за чего полиция наняла ему психолога. Итог был неутешен: у Чжоу Мана выявили серьёзные психологические проблемы и даже предрасположенность к депрессии.

Психолог объяснил, что крах карьеры и личной жизни стал лишь детонатором, а настоящая причина кроется в детских травмах, нанесённых атмосферой в семье — долгими годами насилия отца над матерью. Желая защитить мать, но боясь отца, он был вынужден спасаться бегством, обманывать самого себя и игнорировать страдания близкого человека. Но это бегство и вынужденное равнодушие лишь усиливали его подсознательное чувство вины, приводя к деформации личности.

Опыт детства влияет на развитие человека на протяжении всей его жизни, и никто не знает, в какой момент заложенная мина замедленного действия может взорваться. Тогда ею стали попытки отцеубийства и суицида. И в дальнейшей жизни, при появлении подходящего повода, нельзя было исключать риск потери контроля над собой и психического срыва.

Раньше Чжоу Ман не до конца понимал, что значит мина замедленного действия внутри него. Ему казалось, что он просто вспылil из-за отца. Но сейчас, после допроса и гневных упрёков Му Цзэ, в этот самый миг —

Он с ужасом осознал смысл слов психолога.

Глаза его расширились, уставившись на этот шрам. Он не мог остановиться, он даже не чувствовал боли, действуя механически, лишь желая стереть это уродство с кожи. Он даже не знал, зачем это делает! В голове была пустая чернота!

Внезапно в дверь уборной забарабанили: — Чжоу Ман! Чжоу Ман!

Кто-то звал его.

Но Чжоу Ман уже не узнавал голос. Его глаза и сердце были сосредоточены только на рваной

ране, из которой сочилась кровь.

Затем послышался грохот, и дверь была выбита одним ударом.

Чжоу Мана грубо схватили и подняли, пытаясь разжать его пальцы. — Чжоу Ман!

Только тогда он поднял голову и остекленевшим взглядом посмотрел на того, кто ворвался. Он открыл рот и беззвучно выговорил его имя.

Инцзюнь.

— Что ты творишь? — в ярости крикнул Инцзюнь, сжимая кровоточащее запястье Чжоу Мана.

Губы Чжоу Мана побелели, взгляд подрагивал: — Я... не знаю...

Инцзюнь нахмурился, взглянув на кровоточащее запястье, подхватил Чжоу Мана и, взвалив на спину, бросился вон.

— Уступите! Посторонись!

Банкет уже заканчивался, и многие знаменитости тянулись к выходу. Люди видели лишь, как тот самый красивый голубоглазый блондин, что весь вечер сидел в углу, ни с кем не говоря, в панике выбегает из зала, неся на себе своего агента.

— Хуан Гэ, Тони хотел устроить сенсацию, а в итоге всё обернулось против него самого, — проговорил один из двух мужчин, стоявших в углу.

Хуан Гукэ смотрел на удаляющуюся фигуру с многозначщей улыбкой: — Пошли.

Медиа не могли упустить такой кадр, камеры защёлкали со всех сторон. На следующее утро, когда Тони увидел в новостях заголовок о мучительной связи нового артиста Дабаоцзянь и его агента, он не знал, смеяться ему или плакать. Впрочем, это уже другая история.

Инцзюнь не повёз Чжоу Мана в больницу, а отправился в общежитие. Он уложил его на диван и принялся извлекать лекарства и бинты, чтобы перевязать рану.

Чжоу Ман сидел, сжавшись на диване, безмолвно роняя слёзы. В уборной он ничего не соображал, и пришёл в себя только тогда, когда оказался на спине у Инцзюня. Слушая стук его сердца и учащённое дыхание, он не смог сдержать рыданий. Но после этого эмоциональное состояние Чжоу Мана стабилизировалось.

— Чжоу Ман, — тихо позвал Инцзюнь низким, заботливым голосом.

Чжоу Ман посмотрел на него безжизненными глазами. Инцзюнь поднял его запястье и осторожно облизал рану. Чжоу Ман попытался отдернуть руку.

Действуя предельно аккуратно, Инцзюнь нанёс мазь и перебинтовал руку. Опустившись на колени, он серьёзно произнёс: — Чжоу Ман, если кто-то тебя обидит, говори мне. Я отомщу за тебя. Я ведь сильный.

Его изумрудные глаза светились, а на красивом лице читалась непоколебимая решимость — как будто ребёнок, подражая взрослым, старался казаться храбрым, и в этой решимости сквозили детская наивность и растерянность.

Чжоу Ман слабо улыбнулся и погладил Инцзюня по щеке.

— Ты ведь... — посланный Богом ангел, подумал про себя Чжоу Ман.

Инцзюнь промолчал, выпрямился, бережно обхватив ладонями лицо Чжоу Мана, и прижался своим лбом к его лбу, утешая его без слов. Чжоу Ман не отстранился — такому искреннему теплу и участию невозможно противиться.

Они замерли, прижавшись друг к другу лбами. Через минуту Инцзюнь начал целовать его.

От лба к носу, от глаз к губам. Язык Инцзюня коснулся плотно сжатых губ Чжоу Мана, и, не дождавшись ответа, он нежно пальцами надавил на подбородок. Как только губы Чжоу Мана приоткрылись, он тут же проник внутрь, ласково исследуя его полость рта.

Это был до крайности нежный поцелуй. Чжоу Ман почувствовал невероятный покой, словно его мятущаяся душа обрела пристанище в этом тёплом, требовательном и живом поцелуе. Ему больше не хотелось никуда уходить.

— Ой мамочки! — Сяо Люй и Юань Дахань, войдя, застали такую откровенную картину, да ещё и увидели, что сзади стоят другие коллеги. Они тут же развернулись и принялись выталкивать людей, захлопывая дверь.

— Вы чего там творите! Не говорили же, что вернётесь выпивать! — снаружи люди забарабанили в дверь. Юань Дахань подпирает дверь плечом, Сяо Люй обернулся, а те двое на диване всё ещё не могли оторваться друг от друга.

— Пошли вон! Не видите, они заняты! — Сяо Люй нервничал. Всё-таки Чжоу Ман и Инцзюнь были связаны профессиональными отношениями агента и артиста, да и двоюродными братьями, такое зрелище совсем не шло им на пользу.

К счастью, Чжоу Ман уже пришёл в себя, оттолкнул Инцзюнь и велел ему идти в комнату. Снаружи уже начинали закипать страсти, но Юань Дахань открыл дверь, и люди вошли, среди них была и Цзюй Цзыцин.

— Чжоу Гэ, ты всё-таки здесь? — подскочила Цзюй Цзыцин. — Говорят, Инцзюнь увёз тебя в больницу. Ой, а с рукой что?

— Ничего страшного, — улыбнулся Чжоу Ман, пряча руку за спину. — Случайно порезался. Пустяк, до больницы не дошло, просто перевязали.

— Тогда отлично! Мой контракт с Дабаоцзянь сегодня официально истёк. Я созвал ребят, сегодня гуляем до упаду!

— Точно! До упаду!

— Чжоу Гэ, ты тоже пойдёшь? — Цзюй Цзыцин, ласкаясь, обняла его.

Чжоу Ман улыбнулся: — Я составлю вам компанию, но пить много не могу.

— Ничего, не будешь. Садись рядом со мной, никто не смеет спаивать Чжоу Гэ! Помню, когда я только приехал в город А, был нищим, есть было нечего, меня обманом заставили стать жиголо. Я едва сбежал, а за мной охотились бандиты. Если бы Чжоу Гэ не сжалился и не приютил меня...

Вокруг начались оживлённые разговоры, все наперебой пили и ели. Инцзюнь, запертый в комнате, ужасно сердился, ворча на луну за окном: почему в самый важный момент им вечно мешают?! Где справедливость, ведь он самый красивый, самый лучший, самый обаятельный и самый выдающийся?

24. Прощальная вечеринка

Ночь была глубокой, огни шумного города никогда не гасли, продолжая гореть в вечном ритме.

Поднялся ветер, разгоняя дневной зной и принося с собой предчувствие надвигающегося шторма.

Вещи, сушащиеся на балконе, раскачивались, готовые улететь прочь. Чжоу Ман, подняв голову, тыкал палкой для сушки белья, пытаясь предотвратить их падение. На нём были свободные шорты и футболка, ветер прижимал ткань к телу, а волосы, свисающие до ушей, поднялись вверх, танцуя в такт порывам.

Инцзюнь вышел из ванной, накинув полотенце на плечи, и вбежал в комнату, растирая руки и

жалуясь на холод.

Чжоу Ман вошёл с балкона с охапкой одежды и с силой захлопнул дверь, прищемив пальцы. Вскрикнув от боли, он схватился за руку. Инцзюнь подбежал, схватил его палец, подышал на него и даже взял в рот, чтобы облегчить боль.

Чжоу Ман смущённо оттолкнул его и принялся складывать одежду на кровати. Инцзюнь сел напротив, вытирая волосы. Чжоу Ман глянул на его вьющиеся локоны, которые почти доросли до подбородка, и сказал: — Завтра отведу тебя стричься.

Инцзюнь покачал головой: — Нет.

— Почему?

— Потому что так я красивее, — с самым серьёзным видом ответил он.

Чжоу Ман усмехнулся. Раз Инцзюнь не хочет, заставлять он не стал. Он аккуратно складывал одежду в чемодан, и Инцзюнь с любопытством смотрел на этот огромный багаж.

— Чжоу Ман, мы что, уезжаем?

— Да, — ответил Чжоу Ман, присаживаясь на корточки у чемодана. — Ты согласен поехать со мной?

— Ты мой супруг, куда ты — туда и я, — ответил Инцзюнь.

Чжоу Ман замер, подняв взгляд на Инцзюня.

Тот смотрел на него с выражением лица, означающим: разве я не прав?

Чжоу Ман слабо улыбнулся и продолжил собирать вещи.

— В ближайшее время у нас может не быть стабильного заработка. Придётся снимать жильё, искать новую работу...

Инцзюнь с радостью заметил: — Снимать отдельное жильё — это хорошо! Никто не будет нам мешать. Я пойду работать, я буду содержать тебя.

Чжоу Ман рассмеялся.

На душе у него было удивительно спокойно. Он уже принял решение: уйти из Дабаоцзянь. Он ни за что не позволит Инцзюню провести здесь ещё три года — это погубит всю его жизнь. Хотя сейчас ситуация была неясной, и попасть в аль, о котором он мечтал, не представлялось возможным, они могли снять квартиру и искать другие агентства, ожидая своего шанса.

Это был рискованный шаг: они теряли источник дохода и, скорее всего, столкнулись бы с недовольством и препятствиями со стороны Дабаоцзянь. К тому же в условиях нестабильной экономики найти работу было непросто. В городе А тысячи молодых людей боролись за место под солнцем. Этот путь, хоть и не был смертельным, каждый раз был борьбой за жизнь. Одно неверное движение — и ты тонешь в грязи.

И всё же, если остановиться сейчас, можно было напрасно потерять лучшее время. Чжоу Ману было двадцать семь, он уже слишком многое упустил. Теперь же, наконец прозрев, он обязан бороться за лучшую жизнь. Неважно, будет ли успех — важно, что он попробовал. К тому же...

Чжоу Ман обернулся. На узкой кровати, скрестив ноги, сидел красавец и, глядя в зеркало, накручивал волосы и мазал их маслом, с беззаботным, детским видом. Казалось, все проблемы этого мира обходили его стороной. Он оставался счастливым, искренним, жил по-настоящему.

По крайней мере, имея рядом такого человека, даже если путь к цели туманен, эта жизнь прожита не зря.

Хотя иногда он бывает немного глуповат. Ха, Чжоу Ман невольно улыбнулся.

Инцзюнь сразу заметил его улыбку: — Ага, ты смеёшься надо мной!

— Нет, — пожал плечами Чжоу Ман.

— Да! Признавайся, ты смеялся! — настаивал Инцзюнь, прыгивая с кровати и хватая Чжоу Мана за руки.

— Правда нет. — Чжоу Ман рассмеялся, а Инцзюнь, как весёлый пёс, накинулся на него и повалил на пол.

— Ты смеялся. Я же говорил, что я не глупый!

— Ты сам сказал глупый, я такого никогда не говорил... ха-ха-ха... не щекочи... отстань!

Они повалились на пол, Инцзюнь втиснулся между ног Чжоу Мана, прижимая его к полу, одной рукой удерживая обе его кисти над головой, а другой пробираясь под футболку и щекоча его. Чжоу Ман дёргался, брыкался и смеялся до хрипоты.

— Эй, Чжоу Гэ, фен у вас?.. — дверь приоткрылась, и Сяо Люй равнодушно посмотрел на их двусмысленную позу на полу. — Я возьму фен, спасибо.

— Бери, — Инцзюнь не разжимал рук, продолжая лежать на Чжоу Мане.

Сяо Люй покачал головой, забирая фен со шкафа: — Нынешняя молодёжь, чуть что — сразу в постель.

Когда за Сяо Люем закрылась дверь, Инцзюнь потянулся к губам Чжоу Мана. Тот отстранился, продолжая смеяться и отталкивая его: — Перестань.

— Однажды ты сам об этом попросишь, — дерзко вскинул бровь Инцзюнь.

— Вот тогда и поговорим, — Чжоу Ман поднялся, поправляя широкие шорты, и продолжил собирать вещи.

Инцзюнь немного подулся, но уже через минуту, сияя, сидел с ноутбуком, выбирая мебель.

— Чжоу Ман, Чжоу Ман, как тебе эта кровать? Kingsize! Я оформляю заказ! Ой, погоди, а где мы будем снимать квартиру? Может, просто купим? Дай-ка посмотрю... Тут есть дом в пригороде... хотя нет, слишком большой, нам хватит виллы метров сто с лишним. Только здесь газона нет, не пойдёт, мне нужен газон, я каждое утро молюсь. И хорошо бы, чтобы рядом была речка...

Чжоу Ман, изначально хотевший что-то ответить, притих и молча отошёл в сторону, не меняясь в лице.

Что ж, если это не глупость, то что тогда?

Новость об уходе Чжоу Мана из Дабаоцзянь вызвала большой резонанс. Юань Дахань и Сяо Люй были очень расстроены, другие коллеги приходили попрощаться. Чжоу Ман проработал здесь четыре года, будучи одним из старейших сотрудников и главным помощником Тони. Но главное — у него была чистая репутация, ведь многие в Дабаоцзянь имели сомнительные связи, а Чжоу Ман был самым честным и никогда никого не подставлял. Все звали его Чжоу Гэ, обращались за помощью и доверяли. Теперь, когда он уходил, коллеги устроили прощальную вечеринку. Чжоу Ман не смог отказаться, поэтому сам заказал столик в ресторане, чтобы угостить всех.

— Ешьте, пейте, всё за мой счёт, — произнёс Чжоу Ман, поднимая бокал. — Столько лет вы поддерживали меня, без вас я бы не справился. Пью за вас и за всё, что мы вместе прошли.

— Что ты такое говоришь, Чжоу Гэ, это ты нас всегда выручал!

— Да, если ты уйдёшь, что станет с нами, новичками?

Чжоу Ман выпил и улыбнулся: — Вы будете поддерживать друг друга. В городе А новичку тяжело пробиться в одиночку.

— Так почему ты уходишь?

— Эй, ты посмотри, кого он уводит с собой! Это же сам Инцзюнь!

— Точно! Инцзюнь такой талантливый, за него все четыре крупные компании в очередь выстроятся!

— Инцзюнь, ты там смотри, береги Чжоу Гэ, не смей его обижать, понял? Иначе мы с тобой рассчитаемся!

Молодые люди подходили чокаться, Инцзюнь с удовольствием пил, и вот, когда градус веселья подскочил, он во весь голос поклялся: — Можете не сомневаться, я его в обиду не дам, он ведь мой супру... —

Чжоу Ман ловко запихнул ему в рот кусок лобстера, с улыбкой глядя на него.

Инцзюнь посмотрел на него своими огромными изумрудными глазами, сердито хлопая длинными ресницами.

Все засмеялись. Какой-то агент спросил: — Чжоу Гэ, ты просто мастер, Инцзюнь так тебя слушается. Поделись секретом, как ты его приручил?

— Какой там секрет, Чжоу Гэ просто мастер своего дела, уж с новичком-то справится, правда?

— Ха-ха-ха...

<http://bllate.org/book/19103/1876219>